

Вторичный звуковой континуум русского языка

В статье рассматриваются вторичные звуковые номинации двух лексико-грамматических разрядов слов: существительных и прилагательных. Устанавливаются модели образования вторичных значений, основанные на соотношениях сферы-донора и сферы-реципиента.

Ключевые слова: звук, первичные и вторичные значения, существительные, прилагательные, метафора.

Мир звуков, который окружает каждого человека от рождения до смерти, является довольно разнообразным и многоликим, относится к числу важнейших средств восприятия окружающего мира органами слуха. Саундшафт как совокупность звуков определенного языка образует значительный лексический пласт, в котором важную роль выполняют вторичные номинации, образованные от первичных ЛСВ самых разных по семантике лексических единиц области-источники. Они позволяют более детально и зрительно описать голос человека и разнообразные звуки животного, растительного и артефактного мира.

Именные звуковые номинации в зависимости от их принадлежности к определенному лексико-грамматическому разряду делятся на две группы: субстантивные и адъективные.

1. Звуковые субстантивные номинации.

Развитие вторичных субстантивных номинаций осуществляется по трем направлениям: а) звуки, образуемые человеком → звуки, образуемые животными, птицами, деревьями, растениями, водными течениями, ветром и др.; б) звуки, образуемые животными и птицами → звуки, образуемые людьми и артефактами; в) звуки, связанные с исполнением музыкальных произведений → звуки, образуемые представителями животного и растительного мира. Характер вторичных ЛСВ зависит от смысловой наполненности первичных ЛСВ, наличия в них той или иной степени звучания, его интенсивности, протяженности, громкости и др.

Первая модель носит антропоморфический характер, и переосмысления в ней осуществляются в направлении от звуков человека на подобные в чем-то звуки животных и птиц, шум деревьев (и их листвы) и ветра, гул грома, журчание воды, всплеск волн и др. (*голос ветра, голос моторов, голос моря, говор птиц, плач вьюжной метели, стон чаек, стон ветра, стон телеграфных проволок, вопль бури, совиный вопль, крик грачей, шепот ветра, перепевы птиц, переговоры осенних листьев*).

Менее распространенной считается зоонимическая модель, в которой звуки животных и птиц отождествляются со звуками человека. В процесс метафоризации включаются субстантивы *щебет, кудахтанье, клекот, лай, скулёж, брех, рев, ржание* (*щебет женщин, кудахтанье тучных соседок, бархатный клекот голоса, старуший лай, ненужный скулёж и болтовня, брех пустых людей, рев дочерей, радостное ржание парней*).

Звуки животных иногда воспринимаются вместе с определенными материальными объектами, которые образуют подобные звуки. В таких случаях в сфере-мишени метафорической концептуализации оказывается звучание оружия (пулеметов, револьверов, снарядов), транспортных средств, боевых машин, различных артефактов:

*Стремительно настигающий звук моторов, **клекот** пулеметных очередей дробным цоканьем рассыпался над головой.* (Ю. Бондарев); *Слышался железный **клекот** снаряда.* (М. Шолохов); *Сквозь револьверный **лай** мы входим в город-сад или в загробный рай.* (А. Еременко); *Сквозь злобу идем сквозь винтовочный **лай**.* (В. Маяковский); *Только слышалось паровозное **ржание**.* (А. Белый); *В реактивном самолете Только **рев** и только **вой**.* (А. Межиров); ***Рев** бушующих турбин Слился с грохотом глубин.* (И. Елагин); *И друг раздался черный вой сирены, **Рев** паровозов, фабрик и заводов – Воздушная тревога.* (В. Луговской); ***Лай** колоколов над Русью грозный – Это плачут стены Кремля.* (С. Есенин); *Но **Витёк** уловил все же далекий **клекот** колокола, таракание моторов.* (Е. Парнов).

В третьей модели (музыкальной) в качестве сферы-донора выступают звуки, связанные с исполнением музыкальных произведений и сами музыкальные произведения. Мелодичность и музыкальность звуков, выполнение определенных мелодий, песен и других музыкальных произведений переносятся на чем-то похожее пение птиц, шум ветра, шелест листвы и др. В качестве источника мотивации для выражения таких звуков в литературном языке выступают первичные ЛСВ полисемантов **музыка** (*музыка леса, музыка дождя, музыка мельничного колеса*), **песня** (*соловьиная песня, песни жаворонков, песня бури*), **пение** (*пение соловья, пение пилы*). Окаzionaliальные ЛСВ засвидетельствованы в таких номинациях музыкальных произведений и мелодий, как *хор, концерт, мелодия, напев, симфония, серенада, рекем, гимн: многоголосый хор птиц* (В. Пелевин), *неугомонный птичий концерт* (А. Чехов, С. Юрский), *ласковая мелодия альпийских предгорий* (Н. Склярова), *напевы ручьев* (А. Морозов), *симфония уличных звуков* (К. Станиславский), *серенады вьюги севера* (В. Боков), *реквием метели ледовитой* (В. Иванов), *шум листьев – гимн торжества* (В. Бенедиктов).

Иногда звуковые наименования одновременно используются в небольших текстовых фрагментах и тем самым создают яркий звуковой образ. ср.: *Завели **басы** бурана и метели **тенора**. От **симфоний** этих снежных, просвистевших уши мне, никогда не буду нежным, не доверюсь тишине.* (В. Шаламов); *Ничего так не любил я, как ветер; я заслушивался его **воем** – его хаотическая **песня** была мне, как **музыка**.* (А. Ремизов); *И холодный **визг хохочущих** клавишей, как **визг** заплясавших метелей.* (А. Белый); *Так мне ль осилить **взвизг** трамвайный, моторов **вопл**, **рев** толп людских?* (В. Брюсов).

2. Звуковые адъективные номинации

Звуковые адъективные наименования носят синкретический и синестезический характер. Их звучание воспринимается через самые разные передатчики (пространство, тактильность, консистенцию, густаторность, люминальность, температурность и др.).

Для их образования чаще всего используются лексические пространственные единицы. Пространственные отношения, как отмечают авторы «Теории функциональной грамматики», присущи всякой материи, являются одним из типов базовых отношений, которые воспринимаются человеком и получают выражение в языке [2: с 6]. Параметричность, связанная со зрительным восприятием и визуальным мышлением, определяется количественными физическими единицами и физико-геометрическими свойствами объектов окружающего мира и сводится к таким измерителям, как величина, глубина, расстояние, высота, ширина, площадь, форма, объем и др. Размер является неотъемлемой характеристикой любого объекта и воспринимается не изолированно, а в сочетании с другими параметрами и свойствами. Возможно, по этой причине многие параметрические наименования используются для обозначения самых разнообразных качеств голоса и звучания в целом.

Наблюдается ориентация пространственных координат на порядок и организацию звуков. Их акустическая энергия в этом случае соотносится не с органами слуха, а с органами зрения. Цикла такого рода зрительно-слуховых метафор включает адъективы, в которых функциональное сходство верха и низа переносится на качества высоких и низких звуков. Звуковые образы часто связаны с особенностями формы предмета, его размера. Аудильные звуки осмысливаются как предметы пространства с той или иной длительностью (по высоте, длине, ширине, глубине и др.) и проявляются в структурах параметрических прилагательных *низкий, высокий, тонкий, толстый, длинный, короткий, широкий, узкий, глубокий*:

Низкие звуки: тихие, ровные, монотонные, слабые, однообразные, сиплые, густые (*низкий бас, низкий баритонный голос*);

Высокие звуки: громкие, тонкие, резкие, писклявые (*высокий фальцет, высокая нота, высокие голоса женщин*);

Тонкие звуки: высокие (*тонкий свист, тонкий плач*);

Толстые звуки: низкие, густые (*толстый бас имеля, толстый голос*);

Длинные звуки: протяжные, тягучие, певчие (*долгий протяжный звук*);

Короткие звуки: быстрые, отрывистые (*сильный и короткий звук, мелодично короткий звук*);

Широкие звуки: громкие, резкие, раскатистые (*широкая разливная песня, могучие и широкие раскаты грома*);

Узкие звуки: неширокие, напряженные (*узкие гласные звуки*);

Глубокие звуки: глубинные, выходящие из глубины (*мягкий глубокий голос, глубокий вздох*).

Вторичные аудильные значения могут образовываться от первичных ЛСВ густаторных («вкусовых») прилагательных, выражающих главные вкусовые ощущения (сладкое, горькое, вкусное и др.). В таких вторичных

ЛСВ чаще всего содержится не описание объективной звуковой структуры, а указание на внутреннее состояние человека, его ощущения, вызванные теми или иными словесными формами: *Голубое небо, как пух легкие облака, запах цветов, сладкие звуки молодого голоса...к чему, к чему все это?*

(И. Тургенев); *Горькие слова ты мне наговорил, но насквозь правильные, факт!* (М. Шолохов); *Скажет он и засмеется своим «вкусным» смехом.* (А. Коллонтай).

Тактильные образы звучания голоса могут образовываться от первичных значений кансистентных прилагательных, указывающих на густоту (подвижность), степень плотности, твердости, крепости вязких жидкостей и полутвердых веществ. В эту группу включаются адъективы *густой, жидкий, мягкий, твердый, тягучий, шершавый, шероховатый*: *Неподалеку молодой мужик громким густым голосом рассказывал двум приятелям о концерте в клубе.* (М. Тарковский); *На его поздравления с праздником среди матросов раздалась жидкие голоса.* (А. Новиков-Прибой); *Он бродил по лагерю, перевязывал раненых, сочувствовал потерянному, мягким голосом успокаивал отчаявшихся.* (Б. Васильев); *Ей, наоборот, нравились его самообладание, снисходительная манера, низкий твёрдый голос.* (А. Солженицын); *Это была свежесравная девушка с немного тягучим голосом.* (К. Паустовский); *Яков Титыч тоже затих и пел заунывные песни шершавым голосом.* (А. Платонов); *И разве можно было сравнить с широким и гибким голосом виолончели сухой и шероховатый голос скрипки.* (Л. Улицкая).

Довольно-распространенными являются тактильно-звуковые метафоры, в которых звук отождествляется с температурными качествами и свойствами, основанными на ощущениях прикосновения к чему-либо. Метафоризации подвергается «температурные» прилагательные *горячий, теплый, холодный*: *Не знаю, о чем они говорили, – доносился только неясный, низкий, горячий голос Флерки.* (В. Каверин); *На тайный смысл намекал и теплый голос, и напряженный, изучающий взгляд, на который она наткнулась, невоспитанно обернувшись.* (О. Новикова); *После этого все вдруг замолчали и в наступившей тишине отчетливо прозвучал холодный голос моей мамы.* (Б. Минаев).

Весовые (кинестетические, гравитационные) по первичному значению прилагательные в своей вторичной функции обозначают две разновидности звуков: а) тяжелые, громоздкие, лишённые легкости звуки, которые отрицательно воспринимаются; б) легкие, ясные, поверхностные звуки: *Вениамин прислушивался к глухим и тяжелым звукам, которые откуда-то доносились время от времени.* (Г. Чулков); *Много чего рождено в этом сочном увесистом звуке.* (М. Гиголашвили); *У нее был звонкий, легкий голос, не поддающийся усталости.* (Ю. Нагибин); *Вдруг по той стороне тишины раздался легчайший звук.* (В. Набоков).

В целевую звуковую зону могут адресоваться люминальные в своих первичных значениях адъективы. Процессу метафоризации подвергаются наименования светлых, ясных, ярких, прозрачных и тусклых люксонимов.

Яркая освещенность и сам свет вызывают радостные, чистые, высокие чувства, которые в определенной степени отражают подобные звуки: *Молодой, светлый голос Вальгана легко поднялся над площадью и мигом приковал к себе внимание.* (Г. Николаева); *В сырой и душный воздух вечера врываются ноты высокого светлого голоса.* (М. Горький); *Казалось, что таким звонким и ясным голосом может действительно говорить лишь безумный.* (В. Гроссман); *Марина прекрасно поет. У нее замечательный прозрачный голос.* (Т. Тарасова).

От тусклых, темных, не совсем выразительных звуков чаще всего создается неприятное, скучное впечатление: *Больше всего бабушку поразило то, каким бесчувственным, тусклым голосом рассказала мама всю правду.* (И. Полянская); *Встал и бесцветным, тусклым голосом сказал: «До свиданья».* (В. Шукшин); *Глаза белые, страшные, руки трясутся, и говорит она тёмным голосом.* (Е. Замятин).

Истоками некоторых звуковых метафор являются «болевые» наименования, образованные от глаголов *резать, колоть, остричь*: *Резкий голос не соответствовал его утомлённому виду.* (С. Довлатов); *Раздался за моей спиной такой презрительно колючий голос моей жены Маши.* (Е. Евтушенко); *Острый голос – заснуть под него не удавалось, но и открывать глаза, смотреть на белый свет не хотелось.* (В. Распутин).

Среди метафор, характеризующих звучание, значительную группу составляют адъективы со значением металлов, материалов, веществ (*металлический, золотой, серебряный, стальной, железный, чугунный, медный*). Характер ориентации вторичных ЛСВ таких прилагательных обусловлен первичными значениями, в структуре которых содержатся те или иные качественные семы. Как правило, такие метафоры не только характеризуют тип голоса и звучания, но и дают описание владельца такого голоса. Так, в смысловой структуре прилагательного *металлический* фиксируется визуальный ЛСВ ‘напоминающий звуки удара о металл’: *Другой, который под стариком был, верещит металлическим голосом.* (С. Юрский), *В ее металлическом голосе зазвучали смягчающие нотки.* (А. Городницкий). Прилагательное *медный* указывает на громкий, резкий тип звучания, напоминающий звук от удара по меди: *Бедный мужик смутился и уже собрался было встать да уйти поскорей, как вдруг раздался медный голос Дикого-барина.* (И. Тургенев). В прилагательном *стальной* дается не столько дескриптивная оценка шума и типа звучания, сколько оценка характера владельца «стального» голоса, его стойкость, непоколебимость, уверенность: *Я слушал этот стальной голос и вспоминал неясные слухи, которые ходили про Вассу.* (А. Жвалевский); *Вскоре за перегородкой раздался стальной голос начальника: «Что такое?»* (В. Дудинцев). Те же оценочные характеристики содержатся и в структуре прилагательного *железный* ‘непреклонный, без отклонений и отступлений’: *Аня железным голосом сказала, чтобы он не смел приходить.* (Ю. Нагибин); *Никогда он не разговаривал с ней таким железным голосом.* (Л. Улицкая). Своеобразная коннотация содержится в структуре прилагательного *оловянный*: *Он,*

вытянувшись в струнку, тусклым, **оловянным голосом** рапортующего дежурного доложил подполковнику о цели нашего посещения. (Б. Лившиц).

Вторичный ЛСВ полисеманта **золотой** указывает на высокое качество голоса: *Какими грустными, какими раздирающими тонами покрывает весь хор его **серебряный голос***. (А. Левитов); *Всех потряс Володя Атлантов своим **золотым голосом***. (М. Магомаев). Серебряный голос сравнивается с негромким, высокого тона звоном изделий из серебра (к примеру, звоном колокольчика, погремушки): *Почти в эту же минуту зазвучал знакомый густой, **серебряный голос** Катерины*. (Ф. Достоевский).

Стереотипы слуховой перцепции могут быть связаны с возрастными особенностями. Внимание, как правило, акцентируется на молодом, юношеском, старом и детском возрасте: *«Пора ужинать», – произнес **молодой голос** в коридоре*. (Л. Чуковская); *Она услышала этот **молодой голос**, забытые слова всплыли из памяти сами собой*. (В. Панова); *Начинали петь **старые голоса** девические песни*. (Л. Толстой); *Власихин услышал чей-то удивленный, уже **немолодой голос***. (С. Залыгин); *В ответ на стук **юношеский голос** из-за двери разрешил ей войти*. (Л. еонов); *Она в саду, под яблоней, плетёт венок и **детским голосом** напевает жалобную белорусскую песню*. (А. Рыбаков).

Аудильные образы иногда используют смысловой потенциал прилагательных со значением определенных движений и способов перемещения в пространстве (*ровный, медленный, быстрый, прерывистый, отрывистый, надрывистый*): *По том медленным, **ровным голосом** сказал что-то своему врачу Хасиб-бею*. (Б. Васильев); *Я пью рядом с ней, слышу её **медленный** голос*. (И. Бунин); *Кто-то позвал его тихим и **быстрым голосом***. (Ф. Сологуб); *Он заговорил **прерывистым голосом**, часто останавливаясь, чтобы закруглять фразы*. (А. Белый); *У него **отрывистый голос**, с хрипотцой бочманский*. (В. Гроссман); *Вечером кто-то пьяным, **надрывистым голосом** проклиная злодея Черномора, горемычную крестьянскую жизнь*. (А. Богданов).

Многие аудильные метафоры отражают внутреннее состояние человека, его настроение, черты характера, его мысли и переживания. Прилагательные чувственного восприятия склонны к метафоризации по причине их чрезвычайной семантической мобильности, которая позволяет легко приспосабливаться к существительным различной семантики и допускать множество разнообразных сдвигов в своем значении [1: с. 163-164]. Довольно большая палитра таких метафор очерчивается двумя противоположными границами а) положительная, где отображается оптимистичное, бодрое, радостное настроение человека, его чуткость, доброта, приветливость (*голос веселый, радостный, бодрый, нежный, ласковый, приветливый, чуткий, отзывчивый* и т.п.); б) отрицательная, где концентрируются ЛСВ мрачности, недовольства, трудности, безжизненности, язвительности, жестокости, свирепости и т.п. (*голос неудовлетворенный, грубый, свирепый, жестокий, безжалостный, беспощадный, страшный, грозный, безжизненный, нелюбезный,*

неприветливый, насмешливый). Между этими двумя аудильными зонами распределяются звуковые ЛСВ со значением укоризненности, тревожности, возбужденности, взволнованности, задумчивости, нетерпеливости, настойчивости, услужливости, интеллигентности и мн. др. Такие метафоры определенным образом влияют на человека, имеют большую действенную силу. Именно этим объясняется возникновение известных выражений о сильной магической силе слова. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения Вадима Шефнера «Слова»:

Много слов на земле. Есть дневные слова –
В них весеннего неба сквозит синева.

Есть слова – словно раны, слова – словно суд,
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

Таким образом, метафорическая лексика звучания образует довольно устойчивое семантическое единство саундшафтного типа, в котором лексические единицы, представляющие разные типы звучания, связанные между собой определенными иерархическими отношениями. В монолитном семантическом сплаве слились звуки людей, животных, птиц, предметов живой и неживой природы. Вторичные метафорические ЛСВ включаются в единый механизм семантической деривации, основанный на смысловых соотношениях сферы-донора и сферы-реципиента. Среди субстантивных номинаций рельефно выделяются три группы: в первой в качестве исходной понятийной сферы выступают наименования звуков человека, во второй – звуки животных, в третьей – наименования музыкальных звуков.

Вторичные адъективные номинации воспринимаются через визуальные, тактильные, сенсорно-вкусовые и другие каналы обработки информации и образуются от параметрических, густаторных, кансистентных, температурных, весовых, болевых, возрастных прилагательных, а также прилагательных со значением металлов, материалов, веществ, определенных движений и способов перемещения в пространстве. Адъективные номинации в определенной степени отражают способ мышления человека, его внутреннее эмоциональное состояние, поведение, поступки, отношения к другим людям и др.

При образовании субстантивных и адъективных вторичных номинаций наблюдается деривационная активность, которая распространяется не только на узуальные, но (в большинстве) и на окказиональные ЛСВ и тем самым расширяет зоны метафорического аудильного поля. Глубинный

семантический потенциал таких номинаций не ограничивается указанием на определенный звук, но и позволяет выразить специфику звучания звуков и их различную градацию, продемонстрировать характер усложнения звуковых типов дополнительными семами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147–173.
2. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 228 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ